валентин
тальчников
однажды...
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Валентин Тальчников

Однажды...

«Автор»
2026

Тальчников В.

Однажды... / В. Тальчников — «Автор», 2026

Двадцать лет успешный московский юрист Ксения выстраивала безупречную жизнь: статус старшего партнёра, комфортная квартира на Пресне, надёжный, заботливый муж Виктор и пятилетний сын. Но за фасадом абсолютной стабильности тлеет единственное «висячее дело», по которому приговор был вынесен, а мотив остался тайной.В конце девяностых в затерянном среди дальневосточных сопок посёлке шестнадцатилетняя отличница столкнулась с Павлом Морозовым — опасным, наглым парнем с замасленной «Тойотой» и повадками уличного волка. Их роман балансировал между разрушительной страстью, гордостью, взаимным страхом близости и бегством. Всё оборвалось двадцать седьмого декабря, когда Павел загрузил машину вещами и бесследно исчез посреди заснеженной пилорамы, бросив Ксюшу на морозе без объяснений и оборвав все связи. Случайный клик в закрытый профиль социальной сети возвращает призраков прошлого одним коротким сообщением: «Почему?».

© Тальчников В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Предварительные слушания 6
Глава 2. Презумпция бегства 9
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Валентин Тальчников
Однажды...

Глава 1. Предварительные слушания

Ксюша протёрла глаза прямо перед зеркалом обычнейшего городского ресторана, который ничем не отличался от таких же городских ресторанов по всей стране. Холодная вода на запястья. Пульс слишком частый — не по регламенту.

Она упёрлась ладонями в мокрый край раковины и посмотрела в зеркало. Типовая ресторанная уборная: плитка цвета мокрого асфальта, приглушённый свет, гудящая сушилка для рук за спиной. Лицо собрано, макияж держится, костюм безупречен. Никаких следов паники. Профессиональная деформация: если выглядишь уверенно, позиция не уязвима.

Только пальцы выдают. Мелкая, глупая дрожь.

Она открыла сумку, достала помаду. Привычный жест, сотни раз отрепетированный перед судебными заседаниями. Щёлк колпачка. Чёткий контур, без помарок.

Десять лет брака. Виктор. Спокойный, предсказуемый, надёжный, как швейцарский сейф. Мужчина, который никогда не повышает голос и всегда помнит дату годовщины. Дома он сейчас наверняка собирает с пятилетним Серёжей деревянный конструктор. Сын будет путать детали, Виктор будет терпеливо поправлять его круглые очки на носу и улыбаться. Стабильность. Защищённость. Настоящая взрослая жизнь, выстроенная по кирпичику, по статьям, по взаимным обязательствам.

Зачем она здесь?

Сама ведь написала. Сама нашла контакт. Сама выбрала нейтральную территорию — безликий зал, столик у окна, семь вечера в будний день. Формат деловой встречи. Смешно. Себя не обманешь.

Ей нужно было закрыть дело. Снять с производства за давностью лет, но с чётким вердиктом.

Ксюша сжала футляр помады так, что побелели костяшки.

Она ненавидела недосказанность. Ненавидела открытые вопросы и процессы без резолютивной части. Она привыкла, что у каждого следствия есть причина, у каждого преступления — мотив, у каждого иска — обоснование. Она бросила его в порыве глупой гордости — это было объяснимо. Но почему он вернулся, поклялся заново, дождался, пока она раскроется и поверит, а потом перечеркнул всё молча?

Месть? Испуг? Другая женщина? Разочарование?

Эта загадка въелась под кожу. Не боль — боль давно ушла, уступив место размеренному счастью с Виктором. Но зудящее, въедливое недоумение осталось. Оно тлело на периферии сознания все десять лет замужества, всплывая случайными вспышками при звуках похожих песен или запахе старого табака.

Хватит. Дело должно быть закрыто сегодня.

Ксюша убрала помаду, поправила лацканы жакета. Взгляд снова стал сухим, цепким, оценивающим.

Никаких эмоций. Никаких упрёков. Десять минут на вежливость, один прямой вопрос в лоб и возвращение домой — к сыну, к мужу, к нормальной жизни...

Воздух здесь всегда пахнет тремя вещами сразу: прелой прошлогодней сопкой, остывающим мазутом с железнодорожного тупика и далёким, за двести километров угадываемым морем, чьё дыхание хребты не пускают целиком, но процеживают сквозь перевалы тонким, солоноватым сквозняком.

Вечер падает быстро, как тяжелый брезент. Солнце не садится — оно медленно захлёбывается в фиолетовых гребнях сопок, обводя их контуры узкой полосой неонового, почти ядовитого золота. Тени от пятиэтажек из серого силикатного кирпича вытягиваются через весь двор, перечёркивают разбитый асфальт, заползают на ржавые остовы детских ракет и сушилок

для белья. На бельевых веревках хлопают на ветру простыни с синеватыми штампами ведомственных гостиниц.

С сопки тянет холодком. Весна на этой долготе никогда не наступает вовремя — она крадётся, мнётся, обманывает сухими солнечными полднями, а к сумеркам снова вымораживает лужи до хрусткой слюдяной корки. Где-то далеко, на грузовой ветке, протяжно и глухо стонет тепловоз — звук вязнет в густом распадке, отражается от сопок и долго не может умереть. По гравийной косе под мостом шуршат шины старой праворульной «Тойоты» с пробитым глушителем; фары на мгновение выхватывают из темноты заросли сухого бурьяна и кривую бетонную стелу с полустёртыми цифрами основания города.

Город зажат в каменных ладонях гор, как в ловушке. Здесь все дороги либо упираются в тайгу, либо в реку, черную и быструю, вспухшую от вешней воды.

На узком парапете теплотрассы, где трубы укутаны в рваный стекловатно-рубероидный панцирь и перемотаны проволокой, сидит шестнадцатилетняя Ксюша. Колени подтянуты к груди, подбородок уперт в вытертый джинсовый шов. На ней безразмерная фланелевая рубашка брата и кеды с отклеивающимся носком — резина остыла и холодит пальцы. Ветер с перевала треплет ее челку, бросает в лицо пряди, пахнущие мылом «Земляничное» и дешевым лаком для волос.

Она смотрит, как в окнах напротив одно за другим загораются тусклые желтые и ядовито-белые кухонные пятна. Женщины в халатах режут капусту; мужчины в майках-алкоголичках выходят на балконы курить, чиркая спичками; на четвертом этаже дребезжит радиоприемник, передавая сводку погоды по краю — температура, влажность, направление ветра: северо-восточный, умеренный до сильного.

Всё это кажется декорацией, выставленной кем-то взрослым и ленивым, чтобы занять пространство между ее рождением и настоящей жизнью.

У ее ног, прямо сквозь щель между крошащейся бетонной плитой и горячей трубой, пробился одуванчик. Не пушистый белый шар, а грузный, мясистый, яростно-желтый весенний цветок на толстом дудчатом стебле. Он вылез вопреки всему: холодной ночи, слою шлака, мерзлой земле. Дикий, наглый, слишком яркий для этого серого угла.

Ксюша наклоняется и срывает его. Стебель хрустит, брызжет горьким белым молоком, пачкает подушечки пальцев едким, вяжущим соком. Запах у сока железный, пыльный, травяной.

Она подносит цветок к глазам. Желтая шапка кажется неестественно огромной в сгущающихся сумерках.

Пальцы медленно, механически начинают отщипывать узкие лепестки. Они падают на ржавую трубу, прилипая к маслянистым пятнам.

Один. Второй. Третий.

Ей шестнадцать, и в груди ноет странная, почти болезненная пустота, которую нечем заполнить в этом тупиковом городе. Во всех книгах с полок районной библиотеки, во всех кассетных песнях, шипящих в плеере, в разговорах одноклассниц на переменах за углом школы — везде сквозило одно и то же негласное, навязчивое правило: *это должно случиться*. Пора. Возраст требует жертвы. Должен появиться кто-то, ради кого захочется стоять на этих ледяных сквозняках, мерзнуть у подъезда, высматривать силуэт в тумане у сопки и писать в тетрадях по алгебре чужие инициалы.

Обязательная программа взросления. Первая любовь — тяжелая, слепая, как весенний грипп, без которой тебя будто бы и нет вовсе, будто ты какая-то неправильная, застрявшая в черновике.

Ксюша с ожесточением дергает очередной пучок лепестков.

Она перебирает в уме лица мальчишек из параллельного, гитаристов из местного ДК, парней с мотоциклами у круглосуточного ларька — и внутри ничего не откликается. Пусто.

Глухо, как в тайге за перевалом. Но навязчивая, зудящая мысль не отпускает: *найди, придумай, влюбись*. Кто-то же должен стать тем самым. Нельзя оставаться пустой, когда вокруг с таким шумом тает лед и весь город готовится к ночи.

Последний лепесток летит вниз, в темноту между плитами. В пальцах остается только лысое зеленое донце, испачканное липким молочаем.

Ксюша выбрасывает его, вытирает руку о джинсы и зябко передергивает плечами. Ветер усиливается, срывая с сопки первую мелкую, ледяную морось. До встречи с Пашей оставалось всего несколько месяцев.

Глава 2. Презумпция бегства

Утро пахло подгорелой пшённой кашей и сырым сквозняком из форточки, заткнутой поролоном.

На клеёнке в крупную выцветшую землянику стояли две гранёные кружки с чаем цвета пережжённого кирпича. Солнце в этой кухне появлялось поздно: ему сначала нужно было перевалить через хребет сопки, поэтому утро всегда казалось серым, мутным, словно налитым из-под крана с ржавчиной.

Мать стояла у плиты спиной к Ксюше. Махровый вылинявший халат, заколка-«крабик» на затылке, худые лопатки, ходившие под тканью в такт размешиванию ложкой. Она не начинала сразу. В этом доме вообще никто не стрелял в упор — здесь всё делалось по-сопкински: в обход, по касательной, как грузовики по серпантину.

Ложка звякнула о край кастрюли. Раз. Другой. Третий.

— Масло сама положи, — не оборачиваясь, бросила мать. Голос сухой, простуженный, привычный. — А то скажешь, опять много навалила.

Ксюша лениво подцепила ножом желтоватый брусок, бросила в тарелку. Каша зашипела, принимая жир. Шестнадцать лет, спать хотелось зверски, глаза щипало от ночного ветра на трубах.

Мать села напротив, подперев щеку шершавой ладонью с въевшейся в трещинки картофельной чернотой. Подула на кипяток, подняв над кружкой дрожащую паровую пленку.

— У Морозовых племянник приехал. Из центра. То ли двоюродный, то ли седьмая вода, не разберёшь.

Ксюша даже ухом не повела. В городке кто-то постоянно приезжал или уезжал — то на вахту, то с вахты, то в колонию-поселение, то на путину. Чужие родственники интересовали её меньше, чем сохнущий одуванчиковый сок, который до сих пор въелся под ноготь большого пальца.

— Машину разгружал в прошлый вторник, — продолжала мать, глядя не на дочь, а куда-то в мутное стекло, за которым на балконе висела налимовая вяленая тушка. — «Калдину» старую, белую, с примятым крылом. Я как раз из магазина с сумками шла. Дождь этот противный моросил, помнишь?

Ксюша молча жевала безвкусное пшено. Помнила. Неделю назад морось висела в воздухе три дня подряд.

— Здоровый такой. Не наш, сразу видать. У наших плечи узкие, пропитые, а этот крепкий, куртка на нём кожаная, не из дешёвых, хоть и потёртая вся. Яблоки ящиком нёс, коробки с какими-то инструментами. Сам высокий, стрижка городская. Не местная шушера со штакетником в зубах.

Она сделала крошечный, шумный глоток чая и наконец перевела глаза на Ксюшу. Взгляд был цепкий, оценивающий — так на базаре щупают мороженого минтая, прикидывая, сойдёт на уху или переморожен.

— Пашей зовут. Павел. Фамилию Морозиха не сказала, скривилась, ну да ладно. Он вроде в техникуме у них там доучивается, то ли на геодезиста, то ли на механика. Серьёзный парень. Не шалопай.

Ксюша отодвинула тарелку:

— Мне-то что, мам? У меня физика первым уроком.

Мать не шелохнулась. Только палец медленно повёл по кругу, обводя нарисованную на клеёнке ягоду.

— А то, что тебе не о физике думать надо, а о том, кто тебя отсюда на материк вывезет, дура. Сама не выберешься — сопка засосёт, как меня засосала. Будешь вон на ЖД стрелки переводить или в ларьке мороженными окорочками торговать.

В воздухе повисла тяжелая, душная пауза. Радиоточка на стене что-то невнятно забормотала про посевную кампанию на юге страны.

— Платье синее надень сегодня, — мать сказала это ровно, почти ласково, но в этой ласке сквозила железная хватка загнанного в угол зверя. — И кофту шерстяную сверху, чтоб не застудилась. Вечером они с Морозовым гараж будут крыть рубероидом, на углу возле котельной. Ты за хлебом пойдёшь — мимо не беги, как оглашенная. Поздоровайся. Скажи, дядь Коль, мол, мама просила узнать, есть ли ещё комбикорм. А там посмотришь. Улыбнешься. Чай, не убудет от тебя.

Ксюша замерла с ложкой в руке.

Внутри всё сжалось в тугой, колючий комок протеста — и тут же, мерзко и предательски, кольнуло вчерашнее одуванчиковое наваждение. *«Кто-то же должен полюбиться. Обязательная программа».*

Мать смотрела в упор, не мигая, подсовывая ей чужого взрослого парня, как последний билет на уходящий поезд, а за окном город продолжал тонуть в сером тумане, не оставляя права на отказ.

Тяжёлая подъездная дверь с визгом оторвалась от ржавой пружины и с глухим ударом впечаталась в резиновый отбойник.

Воздух на крыльце пах мокрым шлаком и холодным утренним углем. Ксюша натянула повыше воротник старой джинсовки, перехватила поудобнее дерматиновый портфель с тетрадями и сделала шаг со ступенек прямо в глинистую колею. Синее платье, о котором зудела мать, так и осталось висеть в шифоньере — назло.

Парень возник будто из ниоткуда — шагнул из-за угла трансформаторной будки, перешагивая через ручей оттаявшей грязи. Высокий, плечистый, в замасленной куртке поверх темного свитера крупной вязки, руки спрятаны в глубокие карманы. Тёмные патлы лезли на лоб, а взгляд — цепкий, наглый, слишком спокойный для этого сонного двора — сразу впился в неё, словно он именно её тут и караулил.

— Эй, колючая, — бросил он глуховатым, прокуренным баритоном, загораживая узкую тропинку из деревянных досок. — До почты как срезать, не подскажешь? А то тут у вас не улицы, а сплошной карьер.

Ксюша даже шага не сбавила. Внутри мгновенно взвилась колючая подростковая ярость — на мать с её утренней сводней, на сопку, на весь этот серый день. Она смерила его ледяным, уничижительным взглядом снизу вверх.

— Ноги есть — сам найдешь. Отойди с дороги.

Парень не шелохнулся. Наоборот, чуть подался вперед, усмехнувшись уголком рта. Зубы белые, нездешние, целые. В глазах мелькнуло не раздражение, а ленивый, азартный интерес — так дворовые псы смотрят на кошку, вздыбившую шерсть на заборе.

— Шустрая какая, — хмыкнул он, лениво переступив с ноги на ногу, но освобождая проход ровно настолько, чтобы она могла протиснуться, едва не задев его плечо.

Она обошла его с демонстративным презрением, впечатывая стоптанные кеды в хрустящий гравий. Спиной она чувствовала его взгляд — тяжелый, липкий, раздевающий.

— Ничего, малая, — донеслось ей в спину негромко, но отчетливо, сквозь гул остывающего на путях тепловоза. — Город маленький. Сама ещё прибежишь.

Ксюша сжала ручку портфеля до побелевших пальцев, не обернулась и только прибавила шагу. На щеках вспыхнул злой, лихорадочный румянец. «Прибежишь. Как же. Держи карман шире, центровой хлыщ».

К пяти вечера туман осел, но теплее не стало.

На завалинке за ветхим сараем дяди Коли Морозова пахло сухой прошлогодней пылью, дешевыми сигаретами «Прима» и карамелью «Барбарис». Здесь, на деревянном настиле, прогретом за день скупым солнцем, собирались всегда, когда уроки кончались, а домой идти не хотелось — чтобы не слушать родительские вздохи и бренчание кастрюль.

Рядом сидели двое: пухлая, вечно жующая сухари Ленка в растянутом турецком свитере и долговязая Светка с острыми ключицами и вечно накрашенными ядовито-розовым перламутром губами.

— Да говорю тебе, наглый как танк, — Ксюша нервно ковыряла щепку на краю доски. — Стоит, лыбится. Думает, если куртка кожаная, то все перед ним стелиться должны. «Прибежишь» он мне сказал. Урод.

Светка замерла с сигаретой в тонких пальцах, медленно выпустила тонкую струйку сизого дыма в сторону сопок и прищурилась:

— Так это он и был. Морозовский. Пашка.

— Кто? — Ксюша подняла голову. Сердце предательски дернулось, вспомнив утренний разговор на кухне.

— Ну Пашка этот, племяш, — подхватила Ленка, с хрустом перемалывая сухарь. — Он позавчера у магазина стоял, курил с мужиками с лесопилки. Говорят, из сорвался. То ли с ментами не лады, то ли девку какую бросил… Никто толком не знает. Молчит всё время. Дядя Коля с ним как с хрустальным носится, а тот смотрит сквозь людей, будто мы тут все букашки. Темный он какой-то. Непонятный. Вроде и улыбается, а внутри будто железобетон.

— И красивый, скажи? — протянула Светка, и в ее голосе прорезалась едва уловимая, кисловатая нотка. Она мазнула взглядом по тонким щиколоткам Ксюши, по её правильному, строгому профилю, по чистому лбу без единого прыщика. — Не то что наши увальни с гаражей. Городской. Машина у него хоть и битая, а иномарка.

Светка сплюнула через губу, затушила окурок о сухую доску и криво усмехнулась:

— Ну ты давай, Ксюх. Удачи тебе. «Не прибегу»… Посмотрим. Если такой позовет — любая побежит, не ври хоть себе-то. Ты у нас фартовая, глядишь, и вытащит тебя отсюда.

— Да пошли вы, — огрызнулась Ксюша, отводя глаза.

Но воздух вокруг завалинки стал густым и неловким. Подруги молчали. Ленка медленно пересыпала крошки в кармане, Светка разглядывала свои облупленные ногти, и в этом тихом весеннем молчании висела плотная, тяжелая зависть — бабья, горькая, рожденная безысходностью этого зажатого сопками поселка, где появление чужого, сильного парня было сродни лотерейному билету. Одному на всех.

И этот билет, судя по утренней ухмылке у трансформаторной будки, почему-то лежал в кармане у Ксюши.

Май в том году переломился внезапно: сопки за два дня затянуло душной зеленью, липкой и пахучей, а по ночам гравийная пыль на дорогах уже не остывала до утра.

Паша не стал осаждать её подъезд и не караулил у школы. Он вёл себя так, будто этот городок принадлежал ему на правах временной аренды: днём ковырялся в моторе дядиной «Калдины» у гаражей, вечером курил на бетонном парапете у клуба, лениво перебрасываясь фразами со старшими парнями. Но каждый раз, когда Ксюша проходила мимо — с хлебом в сетке, с конспектами под мышкой, одна или со Светкой — его взгляд неизменно цеплял её за плечо. Тяжёлый, спокойный, с той самой полуулыбкой: *я жду, время на моей стороне*.

Прибежала она через три недели. Не от романтики — от глупой, злой бытовой беды.

Брат напился в субботу у танцплощадки, зацепился с пацанами из нижнего поселка, и те толпой погнали его к котельной. Ксюша видела это из окна: как мелькнула полосатая рубашка брата, как за ним рванули четверо с цепями и штакетинами. Мать на смене, дома никого. Бежать к участковому — дохлый номер, тот сам по выходным квасил на даче.

Она выскочила во двор без куртки, в одних домашних тапочках, сердце молотило где-то в горле. На углу у гаражей стоял Паша — капот открыт, в зубах незажженная спичка, руки в масле.

Он поднял глаза, сразу всё понял по её лицу, выплюнул спичку.

— У котельной, — задыхаясь, крикнула она, ненавидя себя за каждую букву, за этот сорвавшийся голос. — Брата… убьют сейчас.

Паша не стал язвить. Он просто вытер пальцы о грязную ветошь, бросил её на аккумулятор и шагнул вперед:

— Стой здесь.

Она, конечно, не осталась. Бежала следом на расстоянии десяти шагов, глотая пыль. Когда добежала до кустов бузины у котельной, всё уже кончалось. Паша не орал, не устраивал киношных драк. Он сбил первого с ног одним коротким, страшным ударом под дых, перехватил руку второго со штакетником так, что хрустнуло в суставе, и что-то тихо, сквозь зубы сказал остальным двум. Сказал так, что те попятились, подобрали своего скулящего дружка и растворились в темноте за теплотрассой.

Брат сидел на корточках, сплевывая кровь в щебень. Паша подошел к Ксюше. Дыхание даже не сбилось, только костяшки правой руки ссажены до мяса.

— Говорил же, — тихо сказал он, глядя ей прямо в зрачки. В сумерках его глаза казались абсолютно черными. — Сама прибежишь.

— Спасибо, — выдавила она деревянными губами.

Он усмехнулся, шагнул ближе — от него пахло бензином, крепким табаком и чужим, опасным городом — и вдруг провел тыльной стороной испачканной ладони по ее щеке, смахивая прилипшую от бега прядь. Жест был собственнический, спокойный, не допускающий споров.

— Завтра в семь. У моста. Покатаемся.

Это не было вопросом. И Ксюша не нашла в себе сил сказать «нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.